

Ирина Велембовская

Молодая жена

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В27

Разработка серии «Как мы жили. Лучшее в советской прозе»
и дизайн обложки *Анастасии Ивановой*

В оформлении серии «Как мы жили. Кинообложка» использованы
фотоматериалы к к/ф «Молодая жена», режиссер-постановщик
Л. Менакер, 1978 г. Киностудия «Ленфильм».

Велембовская И.

В27 Молодая жена : повести, рассказы / И. Велембовская. — М. :
АЗБУКА, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-389-30292-1 (Серия «Как мы жили. Лучшее в советской прозе»)
ISBN 978-5-389-30293-8 (Серия «Как мы жили. Кинообложка»)

Ирина Велембовская всегда с любовью и большим уважением писала о самых обычных людях, переживших страшную войну и строящих свою жизнь в непростые послевоенные годы. Послевоенный быт — и сельский, и городской — Велембовская рисует мастерски. И герои ее — неизменно живые, настоящие, не киношные и не книжные. Это относится ко всем рассказам и повестям, вошедшим в этот сборник.

Ее героини очень разные: простодушные и наивные, как Аля из «Женщин», Маня из рассказа «Как за каменной стеной», с хитрецей, о которых говорят «себе на уме», как Анна Доброхотова из «Сладкой женщины», честные и прямые, как Мариша Огонькова из одноименной повести, Варвара из повести «Ларион и Варвара». Но всех их объединяет страстное, непреодолимое желание во что бы то ни стало найти счастье, любить и быть любимыми.

Рассказ «Как за каменной стеной» лег в основу фильма «Молодая жена», названного лучшим по опросу журнала «Советский экран». В нем играли звезды — Анна Каменкова, Владлен Бирюков, Галина Макарова, Сергей Проханов. Режиссером был Леонид Менакер, автор множества популярных и любимых зрителями кинокартин. Но вряд ли фильм был бы успешным, не будь рассказ Велембовской столь талантливо написан.

Главная героиня, Маня, выходит замуж не по любви, а от безнадёжности и отчаяния. За мужем — вдовцом, основательным и крепким хозяином — она будет как за каменной стеной. Но вот только стену эту хочется отодвинуть, чтобы увидеть солнце, небо, свободу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30292-1
ISBN 978-5-389-30293-8

© И. Велембовская, наследники, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство АЗБУКА, 2025
© Киностудия «Ленфильм», 2025

ЗА КАМЕННОЙ СТЕНОЙ

1

Когда Маня добралась до железнодорожного разъезда, была тихая черная ночь. Дождь, моросивший с вечера, уже прошел, но было очень влажно, туманно; каждый придорожный куст, овражек, ложбина полны темноты и сырости.

Оставив подводу у переезда, Маня взяла с телеги отсыревший ватник, пошла в станционное помещение.

— Не опоздает ночной?

— Три ноль-ноль, — сонно ответила дежурная.

Без пяти минут три Маня вышла на полотно. Поля вокруг из черных стали серо-голубыми, бескрайними. Над болотцем около насыпи лежало сырое, ватное облачко, словно наколотое на осоку.

Темная громада состава поплыла мимо. Паровозная гарь на минуту заглушила травяную свежесть, земляной холодок.

— Мама! Кидай мешки-то! Стоять не будет.

Тетка Агаша поставила на просмоленные шпалы тяжелый деревянный чемодан. Переждала, пока, зашвистев и заскрежедав, прополз и ушел в белую даль ночной поезд.

— Доехала! — сказала она, словно с непривычки вдыхая ошеломляющую свежесть полей, облитых мелким ночным дождем. — И как это они там в Москве дышат?! Здравствуй, дочечка!

От станции до Лугова шесть верст полями. Дорога рыхлая, липкая; от колес летят в стороны комья чернозема, по спицам стегают высокий татарник и осот, обмытые дождиком.

— Ну, дела какие у вас в совхозе? — спросила тетка Агаша. — Небось еще с прополкой тюхаетесь? Директор-то новый как там командует?

У тетки Агаши сухая рука, и вот уж год, как определили ей пенсию. Раньше, когда в Лугове был еще колхоз, она кое-что работала: сторожила, ходила полоть, редить морковь, свеклу. Но и теперь, плохо привыкая к своему положению, тетка Агаша вмешивалась в совхозные дела, критиковала и ругалась с бригадирами и учетчиками, если что было неладно. Этой весной приехал в совхоз новый директор, а тетка Агаша перед ним тоже не утерпела, «выказала характер».

Накануне майских праздников перебирали картошку в овощехранилище, открывали ссыпные ямы.

— Иди-ка, иди сюда, милоч! — позвала тетка Агаша, завидев приближающегося директора. — Сними-ка очки-то свои, глянь сюда!

Из ямы так и шибануло запахом прели, земляной духотой. Сверху картошка лежала осклизлая, а поглубже — белой кашей.

— Ведь это не картошечка гниет, милок, а труды наши кровные! Вот оно какое, ваше руководство! Сырую ссыпали, сводочку послали, а теперь вот изволь — понюхай! А картошка-то какая была! Красавица!

Директор, молодой, с непокрытой коротко остриженной головой, в больших роговых очках, пристально посмотрел на тетку Агашу.

— Послушайте, — спокойно сказал он, — что вы кричите? Если я ношу очки, то это вовсе не значит, что я глухой. И я хочу вас спросить: чьи бессовестные руки ссыпали сюда сырую картошку? Мои или ваши? Почему вы тогда молчали, а сейчас шумите?

Не ожидавшая такого отпора тетка Агаша немного опешила, переглянулась с бабами, прячущими улыбки. Но домой не ушла: целый день помогала разгребать горячую, сопревшую солому, таскать ведерками и рассыпать по лужку оставшуюся «в живых» картошку. А вечером опять подошла к новому директору.

— Ты, милок Егор Павлович, на меня не обижайся: я не скажу, так, кроме меня, говорильщиков у нас не больно много, привыкли в молчанку играть. А не сказать — грех! До тебя тут всякие бывали, а каков поря- дочек, сам видишь...

— Даже сквозь очки вижу, — ответил директор, чуть улыбнувшись. — Спасибо вам за помощь...

— Егор Павлович тебя помнит, — сказала Маня. — Это, говорит, та самая, что всегда кричит? В общем, говорит, хоть и беспокойный, но правильный товарищ. И лошадь дал без звука.

— Ну кабы он не дал! — ворчливо отозвалась тетка Агаша. — Когда мы тут колхоз-то на ноги становили,

его еще и тятя с мамой не придумали. Да шевели ты кобылу-то! Чего она у тебя как неживая плетется?

Она взяла здоровой рукой кнутик, вытянула лошадь вдоль темной спины.

— Ну, крути хвостом-то! Набаловали вас тут!..

Совсем рассвело. Лугова еще не видно было: оно лежало в ложине, но петушиное пение уже доносилось. У брода через речку сквозили жидкие лозинки, по темной быстрой воде бежала рябь. Сырой берег занавожен, разъезжен машинами, телегами.

— Это тебе не Можайское шоссе, где Витька наш живет, — сказала тетка Агаша, подбирая ноги. — Правее возьми, а то как бы не увязнуть. Черноземушка наш тульский кормит хорошо, а уж про дорогу не спрашивай!

2

Чуть стемнеет, в Лугове прохладно. Туман стелется над вишняком, путается в смородиннике по садам и ползет в ложину за деревней. Трава у заборов холодная, влажная, кусты темные, густые. Над ложинкой старые ветлы с острым серым листом. Утром они светятся насквозь и играют, а вечерами сливаются в одну черную купу. Мух в Лугове мало, зато комарья хватает. Нудно зудят, выживают девчат, засидевшихся в густых палисадниках.

— Ах, нелегкая тебя возьми! — хлопнет кто-нибудь себя по лбу или по голой ноге. — Как собаки кусаются, нечистые духи!

Летний вечер долог. Пропылило по улице стадо, проскрипели воротца, пропускающая скотину.

— Тебя еще здесь не хватало! — замахнулась тетка Агаша на чужую корову, когда та ткнулась мордой в ее калитку. И крикнула через улицу: — Домаша! Загоняй свой частный сектор! Снимай с печки доильный аппарат!

— Ладно смехи-то строить! — выходя с подойником, отзывалась соседка.

Маня вместе с подругой своей Валюшкой ушла на огород. Там всю фиолетовым цветом цвела картошка, уже два раза подбитая. Под прохладным листом желтел огуречный цвет, жестко топорщился лук, полз по палкам горох, развесив стручья. Маня с Валюшкой нарвали его полный фартук и, сидя в палисаднике, жевали прямо с сочной сладкой кожей.

У Валюшки круглое, каленое от солнца и ветра лицо. Она с завистью глядит на Маню, к которой загар как будто и не пристает: темные ресницы ложатся на бледноватые чистые щеки.

— Ты огуречную кожу, что ль, на ночь привязываешь?

— Больно нужно! Платком покрываюсь пониже, вот и все.

— Надо что-то делать, — озабоченно говорит Валюшка. — А то я за покос вовсе обгору, как индеец...

— Егор Павлович в очки не разглядит.

— Возьми его себе, и с очками вместе!

У Валюшки старая дружба с Мишей-шофером. Тот, когда на работу в поле возит, только Валюшку в кабину и сажает. Но с тех пор как появился в совхозе новый директор, многие девчата сами не свои сделались. Это же примечала Маня и за Валюшкой: стала таскать с собой на работу сумочку с зеркальцем, босая теперь никогда на улицу не выйдет, на ночь волосы

мочит и на бумажки накручивает. А то еще выдумала в Москву ехать сводить веснушки.

— Гляди, доведешь ты Мишку, посадит он тебя в машину, завезет да в яргу какую-нибудь свалит, — предупреждающе сказала Маня Валюшке как-то при случае.

Проводив Валюшку, Маня забралась на прохладную постель в сарае и, как всегда, оставаясь одна, сквозь подступающую дремоту отдалась ласковой и тревожной мысли о своем «залеточке». Уже третий год Володька Гусев, Валюшкин брат, слал письма из Севастополя.

Начиналось каждое одними и теми же словами: «Добрый день, веселый час! Пишу письмо и жду от вас. Здравствуй, мой дорогой тюльпанчик Маня! Пламенный привет с Черного моря и тысяча наилучших пожеланий в вашей молодой, ярко цветущей жизни!»

А ведь было время, с этим Володькой дрались, бегая вместе в школу, а когда повзрослели, то делали вид, что не замечают друг друга. У Володьки уже усы стали расти, а повадки остались озорные, диковатые. Маню он дразнил «цыганкой» за темные волосы, за большие черные глаза и все норовил ущипнуть, пихнуть в порыве ухаживания.

Уходя в армию и прощаясь с Маней на мостике у пруда, Володька сказал:

— Гляди, цыганка! Будешь с другими завлекаться, приеду — утоплю вот в этом пруде!

А теперь откуда что берется: тюльпанчик, розочка!.. Небось у ребят каких-нибудь списывает. И все же Маня дала себе слово — ждать. Третий год ждет, ни с кем не прошла, не постояла в сумерках. В кино, на танцы — только с Валюшкой. Когда глядела на подругу,

иной раз тревожно было и чуть-чуть завидно: время-то идет... Если бы только захотела — и в кабине бы накаталась, и в легковом, и на мотороллере... Нет, вернется Володька, и никто во всей деревне ничего про нее сказать не сможет, пусть знает, что честно дожидалась.

Лежа в дремотной тишине сарая, где пахло сырой травой и березовыми вениками, Маня представляла, как вернется Володька... В морской форме, с якорями! Пройдет со знакомыми ребятами по Лугову, а потом явится в избу. Полы Маня намочит, как желток, постелет пахнущие влагой половички, наденет новое голубое платье и туфли-лодочки, которые брат прислал из Москвы в подарок. Маня знала, Володька к ним придет жить: у Гусевых в избе кроме него да Валюшки еще растут у отца с матерью две дочери да мальчишка. А они с матерью двое...

«Может, еще не захочет в совхозе-то работать, — не без тревоги думала Маня. — До службы все озорничал, с бригадирами ругался. Ну, теперь Егор Павлович ему воевать не даст! Стали бы вместе зимой на курсы ходить: вдвоем и ночью полем не страшно... Только бы пришел!»

Слышно было, как за плетеной стенкой сарая шуршала полынь; разбуженная легким ночным ветром, она сильно пахла и мешала уснуть.

3

Начался покос. Погода стояла — лучше не надо: знойно и с ветром. За день скошенное подсыхало и не ворошенное.

На вторую неделю июля приходился Петров день — престольный праздник в Лугове.

— Егор Павлович приехал. Индивидуально по дворам ходит, — сообщили тетке Агаше соседки. — Видно, боится, не загуляли бы мы.

— С вас станет! — отозвалась тетка Агаша. — В такую погоду сена не собрать — бить вас тогда мало.

— Слава богу, что не ты у нас директор. Тот ходит, уговаривает, а ты прямо бить!

На той же неделе в соседнем селе Воротове, где помещалась контора совхоза, давали аванс. Целый день у конторы и у магазина толкался народ. Набирали в ситцевые наволочки муку и бранили продавца за то, что нет дрожжей.

— Кому-то и на самогон хватает, а нам к празднику пышек поставить не на чем.

Маня поспела в Воротово уже к вечеру, но магазин еще торговал. Купила сахарного песку, муки; хотелось Мане и какую-нибудь обновку, но насчет этого у тетки Агаши было строго.

— Возьми поллитровочку ради Петра и Павла, — предложил продавец. — А то ведь завтра уж не будет.

— А нам хоть и век бы ее не было. — Маня сунула за щеку леденцовую конфету, вышла из магазина.

Воротово — село большое, людное. Прямо за въездом новая школа-семилетка, куда четыре года назад бегали Маня с Валюшкой. Дальше — больница, клуб, новых построек без счета. Из всех деревень идут и едут сюда и в магазин, и в клуб, и в контору нового совхоза. Улицы здесь широкие и после дождя пыльные, разъезженные машинами, тракторами. У всех домов огороженные кольями молоденькие рябинки, черемухи, клены.

Уже темнело, когда Маня пошла из Воротова, не дождавшись попутной машины. Через плечо у нее висели два мешка, на полпуда каждый. Миновав брод, стала подниматься сторонкой по мягкой, оползающей тропке. Услышав за собой плеск воды и шаги, оглянулась.

Брод переходил, разувшись и закатав брюки, воротовский житель Алексей Терехов и переносил новый сверкающий синим лаком велосипед. На Алексее была светлая кепка, шелковая рубаха с замком-«молнией».

Маня не раз, приходя в Воротово, видела каменный тереховский дом, у которого в отличие от других не посажено было ни лозинки, и весь лужок около дома был дочерна выбит курами и гусями. Знала Маня также, что этой зимой Алексей овдовел, схоронил жену и остался с годовалым ребенком.

Пока Алексей обувался, Маня уже порядочно отошла, но он догнал ее.

— Здравствуйте, — сказал он вежливо и даже приподнял кепку. — Желаете, на велосипеде подвезу? Садитесь на раму.

Маня отказалась, хмуря тонкие черные брови. Пошла быстрее, словно думала, что Алексей за ней не поспеет. Но тот шел рядом.

Парень он был рослый, видный. Но волосы и брови до того бесцветные, что Алексея в Воротове иначе и не называли, как Седым.

— За авансом ходили? — осведомился Алексей. — И помногу отвалили вам?

— Кому как, — неохотно ответила Маня. — На круг сотни по две...

Алексей усмехнулся:

— Я за неделю больше получаю.

— Мало ли что... У вас специальность. А где вы теперь работаете?

— В Белове на спиртовом заводе.

Маня вспомнила, что, когда бывала в районном центре, в Белове, видела портрет Алексея на Доске почета в городском парке. Снят он был в этой же светлой кепке, при галстукe, улыбающийся и торжественный. Вспомнила Маня и то, как лет шесть назад, когда еще они с Валюшкой учились в школе, посылали учеников вязать снопы за самосброской. На самосброске сидел Алексей, почерневший от солнца, пыльный, худой и неразговорчивый.

— К вам в Лугово иду. Не купит ли кто у меня «КВН». Мне в Туле обещали «Рекорд» достать.

«Любишь ты похвалиться», — подумала Маня.

— А у вас лично телевизор имеется?

— Нету... Приемник только.

— Вот приобрету «Рекорд», будете у нас в Воротове, заходите передачи смотреть.

Миновали луга. Маня смотрела в сторону, на голубые звездочки васильков в набирающих колос хлебах. Были бы порожные руки — сейчас бы нарвала цветов на комод поставить. Но мешки уже порядочно надавили ей плечи. Маня шла скособочившись, придерживая мешки обеими руками.

— Давай хоть груз-то твой подвезу, — почему-то переходя на «ты», снова предложил Алексей. — А то тебя под ним повело. Останешься еще кривобокая, никто и замуж не возьмет.

Маня сердито фыркнула, с трудом переложила мешки с правого плеча на левое.

— А ваше какое дело? — спросила она почти грубо. — Садись да поезжай себе...

Алексей пристально посмотрел на Маню своими большими светлыми, как вода, глазами, усмехнулся и, сев на велосипед, поехал вперед.

На другой день, в ту же пору, соседка сообщила тетке Агаше:

— У Лизаветы-продавщицы опять гости. Второй раз с чашкой на погреб бегала.

— Кто же это у нее? — поинтересовалась тетка Агаша.

— Лешка Седой из Воротова. Ящик какой-то приволок.

— Это он телевизор продает, — пояснила матери Маня.

— Скажи! — удивилась тетка Агаша. — Будет, значит, и у нас в Лугове телевизор. Лизавета — баба простая. Всё когда позовет поглядеть.

Почти темно было, Лизавета-продавщица окликнула Маню со своего крыльца. Маня неохотно зашла к ней в сенцы. Там стоял уже знакомый синий велосипед. В комнате за столом сидел Алексей.

— Садись, Манявочка, — пригласила Лизавета. — Вот хочу тебя с товарищем одним познакомить.

Маня растерялась и ничего не ответила. Сидела молча, дожидаясь, пока скажут, зачем звали. Но Алексей не спешил. Время от времени поглядывая на Маню, объяснял Лизавете, как настраивать телевизор.

Маня, так и не дождавшись дела, поднялась. Алексей хотел было пойти за ней, потом сделал знак Лизавете. Та вышла вслед за Маней на крыльцо.

— Ты чего меня звала-то? — нетерпеливо спросила Маня.

— Не догадываешься? Алексей познакомиться хочет. — И, заметив, как досадливо дернула плечом Маня, Лизавета зашептала: — Да ты погоди! Он ведь серьезно. Ты ему понравилась очень: девчонка, говорит, тихая, небалованная. А знаешь, сколько у него после Антонины добра осталось! Баба-то была оборотистая, хозяйственная. Обстановка у них хорошая, посуда. Вон телевизор новый покупать хочет.

— Может, еще чего есть? — с усмешкой спросила Маня.

— Говорю тебе, всего полно! — не поняв, горячо продолжала Лизавета. — Дошка осталась, два пальто, а платьев я даже не представляю сколько! Правда, Тонька была рослая. Ну, из большого маленькое всегда можно сделать.

— Нет уж! Скажи ему: пусть другую, рослую ищет.

И Маня сошла с крыльца. Лизавета вдогонку ей крикнула:

— Гляди, девка! Ты не пойдешь, другие найдутся. Ты, может, из-за ребенка?

— А ну тебя! — не оборачиваясь, бросила Маня.

Дома матери она ничего не сказала: еще схватится, побежит ругаться. Такую покажет Лизавете дошку, что всю деревню на ноги поднимет. И чудная же в самом деле эта Лизавета: ведь все Лугово знает, что Маня ждет Володьку, так нечего глупости предлагать...

4

Раннее безросное утро. В Лугове над каждой крышей дымок: хозяйки, поднявшись до света, пекут праздничные пироги. Не переставая, скрипит колодезь: достают ледяную голубоватую воду, разливают по эмалированным ведрам; они у всех одинаковые, под зеленый мрамор, в один день купленные в воротовском сельмаге.

Шести не было, приехал Миша-шофер на своей трехтонке, остановился у колодца залить машину.

— Миш, ты с сеном в Воротово поедешь, захвати оттуда Егора Павловича. Пусть он наших пышечек луговских попробует.

— Только ему и дела — ваши пышечки! С механизаторами воюет: двое граблей заporоли и копнитель.

— И чего они там в Воротове срамотятся? У них и покосы-то гладкие, как плешь. Не то что наши яруги.

В шесть часов, с граблями на плечах, принаряженные, собрались у Агашиного двора. Миша-шофер подал трехтонку.

— Гляди-ка, лавочек вам понаделали! — заметила тетка Агаша. — Небось теперь не растрясетесь.

— А тебе что, тетя Агаша, завидно, что ль? — улыбаясь, спросил Миша. — Садись и ты, прокатим.

Тетка Агаша сурово посмотрела на него. Пошла было в дом, но остановилась на порожке.

— То-то и есть, милоч, что завидно. Была бы при возможности, поработала бы не хуже людей.

Луга раскинулись остриженные, сухие. Змейками ползли по ним пожелтевшие рядки. Ближе к берегу

рядки эти густели, зеленела в них не поблекшая еще осока.

— Пока технику поджидать станем, сено-то зазвонит. Давайте уж, бабы, в грабли его...

— Эдакую-то махину?! А мечтали — к обеду домой.

— Ладно, глаза страшатся, а руки делают. Девчата, заходите от берега!

Утренний холодок ушел, стало сильно припекать. На луг набежали высокие, нагретые солнцем сухие валы. Лозинки на лугу посерели, сникли. На нескошенных местах, по закрайкам, вяли крупные голубые колокольчики. Но ромашки стояли не клонясь, бойко топорща свои белые лепестки.

— Ты чего, подружка, больно сердитая сегодня? — спросила Маня у Валюшки, хмурой и неразговорчивой. — Не выспалась, что ли? Гляди, я тебе все пятки граблями побыю. И не озорничай, гребни чище, а то бабы тебе дадут!

— Может, Егору Павловичу пожалуетесь? — буркнула Валюшка.

— А что? И пожалуемся, если придет.

Солнце уже стояло над головой, от сухой травы несло жаром. Почти бесшумно подкатила по мягкому лугу Мишина трехтонка. Еще на ходу выскочил из кабинки директор.

— Что, Егор Павлович, у техники-то, видать, тоже нынче престольный праздник? — крикнули ему бабы.

Он ничего не ответил, быстро прошел между высокими валами, едва заметный в своей желто-зеленой рубашке, небольшой и дочерна загорелый. По свежим масляным пятнам на рукавах и не дочиста отмытым рукам видно было, что только что вылез из

ремонтной мастерской. В обед пришли трактор с волокушей и копнитель. Как живые, поползли шумные вороха сена, а солнце выжигало остриженный, подурневший луг.

В два часа слышно было, как в Белове прогудел кирпичный завод.

— Знаете что, — сказал Егор Павлович, поймав несколько вопрошающих взглядов, — я понятия не имею, что у вас такое сегодня: Иван Купала или Илья Пророк. Но в общем, я думаю, женщинам можно будет отправиться домой. А девушки задержатся, подгребут за подборщиком. По-моему, дело у нас уже в шляпе. Как вы думаете? Зимой коровы нам скажут спасибо.

— Душа-мужик! Провалиться на месте! Не догадались пирожка-то ему... Может, не евши... — переговаривались покосницы, почти бегом направляясь с луга.

Маня с Валюшкой шли домой последними. Валюшка по-прежнему хмурилась и молчала.

— Погоди, Валь, я цветков нарву: все же у матери праздник.

Вместе поднялись на бугорчик, где качались нескошенные ромашки и отбившиеся от ближних хлебов васильки и куколь.

— Вон колоколец в кустах сорви. Да не там, вон тот, крупенький... Что ты нынче как мешком ушибленная... — Маня даже засмеялась.

— Зря ты смешки строишь, — угрюмо сказала Валюшка. — Давай на минутку в лозинки сядем, я тебе дело одно скажу... Только дай честное слово, что дружбу не нарушишь!

— Да ты чего это? — спросила Маня растерянно. Валюшка помолчала, собираясь с духом. Потом сказала:

— Ты Володьку нашего не жди, не вернется он... Письмо вчера получили: нашел себе там в Севастополе... какую-то. Расписался.

У Мани дрогнули ресницы. Как можно равнодушной, не глядя на подругу, уронила:

— Больно он нужен, ждать его!

— Ты на меня-то хоть не обижайся, Манявочка, — жалобно попросила Валюшка. — Хоть он мне и брат родной, но прямо скажу: змей!

— Да пускай себе женится на здоровье, — стараясь унять дрожь в губах, прошептала Маня. — Я про него и думать-то забыла...

С минуту сидели молча, теребили пальцами сухую траву.

— В клуб-то уж сегодня не пойдем? — нерешительно спросила Валюшка. — А то Егор Павлович приглашал, сказал, танцевать будем...

— Да отвяжись ты! — вдруг со слезами сказала Маня.

— Вот... А говорила, не обидишься... Эх ты, подружка!

И обе заплакали: Маня от обиды, Валюшка от жалости. Домой шли молча, утомленные длинным жарким днем и пролитыми слезами. Подходя к дому, Маня вспомнила, что забыла в кустах, где сидели с Валюшкой, нарванные цветы, и слезы вновь одолели, задушили ее.

Сидя с матерью за ужином, Маня то и дело откладывала ложку и смотрела в окно, сжимая губы.

— Ты чего это плохо ешь? — полюбопытствовала тетка Агаша. — По-городскому, что ль, фигуру

соблюдаешь? Гляди, дособлюдаешься! Нос-то стал как шило.

— Не для кого мне фигуру соблюдать, — чуть слышно сказала Маня.

— Так уж и не для кого? Скоро небось красавец-то твой придет.

Маня всхлипнула.

— Вот еще оказия! — допытавшись, в чем дело, озадаченно покачала головой тетка Агаша. — Ну и парни пошли, грозой их расшиби!

И поспешно добавила:

— А плакать тоже особо не приходится: таких-то Володек в базарный день пятачок пучок, да и то не берут.

— Все ж обидно, мам! Ведь сколько ждала! — вытирая слезы, сказала Маня.

— Да это само собой, что обидно. А ты форса не теряй! Держи нос повыше. Здесь тебе не найдется — Витка московского подыщет.

Но и сама тетка Агаша есть не смогла. Ужин так и остался почти нетронутым.

«Такую девку обидел, демон его разорви! — с сердцем подумала она, глядя на Маню, которая как будто на глазах осунулась. — Да, первую любовь — ее из сердца легко не выплеснешь! Бывает, на всю жизнь занозой остается...»

5

У Гусевых в саду, в смородиннике, был старый шалаш. В нем сживала Маня со своим «залеточкой». Сейчас, забравшись туда вдвоем с Валюшкой, Маня

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ВЕЛЕМБОВСКАЯ Ирина

МОЛОДАЯ ЖЕНА

Ответственный редактор *Ю. Раутборт*

Технический редактор *Л. Сеницына*

Корректоры *В. Алексина, П. Шевнина*

Верстка *Л. Харченко*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.07.2025.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура «Petersburg». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Как мы жили. Кинообложка. Тираж 1500 экз.

T-HWC-39452-01-R. Заказ № .

Как мы жили. Лучшее в советской прозе. Тираж 2500 экз.

T-HWL-39451-01-R. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
обладатель товарного знака Азбука	Азбука тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттың өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

